

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕРИЯ 1.....	6
СЕРИЯ 2.....	38
СЕРИЯ 3.....	66
СЕРИЯ 4.....	96
СЕРИЯ 5.....	130
СЕРИЯ 6.....	156
СЕРИЯ 7.....	182
СЕРИЯ 8.....	210

СЕРИЯ 1

КРОЛЫ И ЦАКИ

ВСТУПЛЕНИЕ

ГДЕ-ТО ДАЛЕКО-ДАЛЕКО В КОСМОСЕ ВОКРУГ ЖЁЛТОГО СОЛНЦА, почти такого же, как наше, крутится маленькая голубая планета, тоже почти как наша. На ней есть воздух, облака, вода, трава, рыбы... Но нет людей.

Здесь живут кролы, цаки и кротокоты.

Кролы ростом с пятилетнего ребёнка и похожи сразу на кроликов, сусликов, зайцев и выдр, только ходят на задних лапах. Это мирные разумные создания, которые любят свои норы, свои изобретения, массовые игры и что-нибудь пожевать, отдыхая в гамаке.

Кролы живут большими семьями в уютных норах в песчаных холмах. Это целые подземные города со своими боковыми норами — отнорками, и уютными жилыми камерками, тоннелями-улицами, подземными бассейнами с сухой разноцветной пылью,

грибницами, парниками, магазинами, площадями и даже стадионами. Хотя кролы живут под землёй, там совсем не темно. Солнечный свет освещает их жилища благодаря сложным системам зеркал. У кролов есть развлечения, мода, паровые трамвайчики, даже метро — тоннели для паровых нороходов проложены через весь континент. А вся система подземных городов называется Междунорье.

Ночью кролы выходят на поверхность и обрабатывают свои верхние огороды (ведь еда под лучами солнца вырастает гораздо вкуснее, чем в подземных парниках). А собирают они корнеплоды прямо из-под земли.

Почему же кролы сидят под землёй, когда наверху — вкусная зелёная травка, сладкие молодые побеги и аппетитная кора?

Во-первых, потому что полгода в этом мире стоит жуткая жара, когда высыхает вся растительность и всё живое старается не вылезать из тени и передвигаться только по ночам. А оставшиеся полгода, и верно, чистый рай — зелёная травка, молодые побеги и... цаки.

Если кролы ростом с пятилетнего ребёнка, то цаки — это огромные трёх-четырёхметровые птицы с громадным клювом. Цаки не летают, их крылья слишком малы, чтобы поднять такую тушу в воздух, но им и не нужно: мощные ноги по-

зволюют цакам догнать любую добычу. Они самые опасные хищники планеты (кроме кротокотов, которые живут глубоко под землёй), повелители верхнего мира, бесконечной сухой равнины, которая называется Великая стена. Здесь они построили своё царство — Цакский каганат, где властвует Великий Каган Остроклыв XV, сидя в столице Большое Гнездо.

Цаки — кочевники. Они не строят городов, не создают машин... Они кочуют с места на место, перегоняя стада ленивых боконожек, и, конечно, охотятся. Цаки могут поймать кого угодно: и зазевавшегося змеенога, и юркого мюслика, и летучего пушканчика — кого угодно. Кроме кролов. И вовсе не потому, что те быстро бегают, — обогнать цаков невозможно. И не потому, что кролы сильные или у них есть хитроумные механизмы, — кто же совладеет со звериной силой цаков? Просто кролам постоянно везёт. Лучшая защита для крола — это его удача, или, как её называют кролы, доля. У каждого крола есть волшебная доля, которая от рождения и до конца жизни приносит ему удачу. Что бы цаки ни делали, какие бы ловушки и засады ни устраивали, в какие бы набеги ни пускались, как бы ни старались разрыть своими мощными лапами и острыми клювами подземные жилища кролов, те всегда избегают плена.

У каждого цака есть мечта — поймать своего крола. Свою персональную удачу. Потому что этим большим и сильным птицам катастрофически не везёт. А самая большая неудача — их каган, тиран и самодур Остроклюв XV, который заставляет их гоняться за кролами.

Впрочем, кролам неплохо живётся в этом мире благодаря смекалке, находчивости и волшебной доле. Можно вырастить хрум-корень и в тени цака, как гласит их пословица. Но есть ещё одна опасность, о которой известно очень мало, и которая пугает самых смелых кролов. Снизу, из глубин земли, им грозят кротокоты. Огромные хищники с белой светящейся шерстью и громадными когтями, почти слепые, но обладающие прекрасным нюхом. Кротокоты подкапываются снизу, из земных глубин, когда кролы спят, и похищают их прямо из постелей. К счастью, кротокотов очень мало и с каждым годом становится всё меньше. Ну, пора, начинаем нашу историю!

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ,

В КОТОРОЙ МЫ ВСТРЕЧАЕМ
САНЬЮ ПУШИНКОВУ

У САНЬИ ПУШИНКОВОЙ ВСЁ ВАЛИЛОСЬ ИЗ ЛАП. С самого утра. Сперва разлетелся её любимый шарночник. В нём жили редкие разноцветные жуки-светляры, которых папа наловил в дальних пещерах на её прошлый день рождения. Папа сказал, что ни у кого таких светляров нет и что они волшебные. Конечно, Санья была уже взрослая и не очень верила в волшебство — если не считать их кроловой удачливой доли. Но, как известно, когда чудеса случаются каждый день, к ним привыкаешь, так что Санья свою долю за чудеса не считала. А шар всё равно любила. И вот его нет, погиб во цвете лет. Как же это случилось?

Под утро светляры разыгрались, расцарапались лапками, раскачали шар и уронили его с подставки. А шар был красивый, из светлого хрусталя. Санья

с мамой наклеила на него золотые звёзды и фигурку Деда-Морквоеда, который приносит малышам подарки. И вот, пожалуйста, из-за этих неугомонных жуков хрусталь вдребезги, светляры по дому — шурх, и затаились по углам.

Всё утро Санья ловила бесстыжих светляров, которые от стыда расползлись по их большой норе. Из-за этого она едва успела ухватить кусок шпинатного пирога и выпить кислючего мамино-го киселя из деревеня: один глоток — и уши торчком весь день! А когда наскоро причёсывала шёрстку, то услышала, как звонит рабочий колокол.

Санья вылетела из норы и помчалась так быстро, что почти обогнала собственную тень. И что же? Всё равно опоздала на работу!

Спросите, какая работа, ведь Санья ещё ходит в школьный крольчатник? Самая обычная, в подземных садах города Холмограда. Все молодые кролы во время зимних каникул принимались за работу наравне со взрослыми: так много надо было успеть сделать за влажную, полную дождей зиму. Посеять и собрать три урожая, подготовить подземные грибницы для летних засушливых месяцев, запастись водой в цистернах, вырастить в теплицах тридцать пять видов салатов и сорок один с половиной сорт капусты. А ещё чистить, подметать, красить, чинить и, конечно, валять дурака.

Её начальница, почтенная тётушка Серохвост, только фыркнула в седые усы, когда Санья влетела в оранжерею.

— Колокол уже прозвенел, Санья!

— Пушинкова опоздала! — радостно закричала Марья Круглоухова, извечная соперница Саньи. — Да ещё и в разных башмаках прискакала!

Санья только охнула — в темноте и спешке она не заметила, как надела разные башмаки. На правой лапке красовался красивый красный башмак, а на левой — жёлтый! От огорчения у неё даже голова немного закружилась — как же она теперь будет работать?

— Так, сегодня отвечаешь за воду, — решила тётушка Серохвост. — К растениям тебя допускать нельзя, растениям нужна — что, девочки?

— Гармония! — хором воскликнули те, отвлекаясь от грядок и дружно помахивая ушами. — Им нужна любовь и гармония!

Они были хорошие оранжерейные девчонки, и Санья со всеми дружила (кроме, пожалуй, Круглоуховой, да и кто с ней будет дружить). Но сейчас, когда Санья услышала этот хор, ей захотелось заплакать. Она же ни в чём не виновата, это светляры разбились шар и разлетелись по дому, из-за них она и опоздала.

— Можно, я хотя бы с салатами поздороваюсь? — робко попросила она.

Каждое утро она заходила в огромную теплицу «салатницу». Там под потолком висели хрустальные зеркала, которые излучали далёкий солнечный свет, а к ним тянули свои лапы тысячи разных салатов: зелёные, светло-зелёные, жёлто-зеленые и даже синеватые. Санья вдыхала свежий, ни с чем не сравнимый запах — так могла бы пахнуть радость, такой аромат мог быть у детского смеха — и кричала во всё горло: «Доброе утро, салат!» А салаты качали розетками листьев и будто ей отвечали. Но тётушка Серохвост сказала строго:

— Только не в разных ботинках. Взгляни на нас.

И верно — каждый работник оранжерей, каждая девочка и сама тётушка Серохвост были одеты в одинаковые, светло-зелёные одежды от лап до кончиков ушей. Ботинки Саньи в этом зелёном царстве выглядели как пощёчина общественному вкусу.

Тётушка Серохвост мягко, но настойчиво подтолкнула Санью в сторону водопроводов.

— Нельзя, чтобы растения видели твою не красоту. Представляешь, что может случиться?

Санья вздохнула, опустила уши и побрела в водопроводную зону. По правде сказать, она не представляла, что может случиться, если зайти к салатам в неправильной одежде, но рисковать урожаем было нельзя. Значит, теперь ей надо отправляться на мокрое дело. В другой раз она бы только обрадовалась.

Там ведь столько разной воды! Одна, дождевая, текла сверху по толстым деревянным трубам в подземные хранилища. По пути вода расходилась по всему Холмограду: в оранжереи, мастерские, мануфактуры, заводы и трудовые артели, где крутила разные колёса. Колёса крутились не просто так, а выполняли всякую полезную работу: пилили, резали, месили, кололи, долбили, сверлили, колотили, выбивали пыль, взбивали, шлёпали и даже аплодировали — всё зависело от того, какую насадку на них ставили кролы. Другая вода поднималась по тонким трубам из хранилища и расходилась по всем оранжереям, брызгала струйками под потолком или капала по капельке на каждый росток.

Но сейчас Санью не радовали эти водяные хлопоты. Она села в уголке, рядом с большой хрустальной банкой, в которой медленно и печально поднимались пузырьки, и пригорюнилась. Делать ей здесь было нечего — всё работало само по себе, а если бы и сломалось, то Санье строго-настрого было велено ничего не трогать, а сразу звать мастеров-вододелов, вододелов и водознаев. Вот и получалось, что отправили её сюда, чтобы она салаты своими ботинками не пугала.

— И что в них такого страшного? — Санья вытянула лапки, повертела ботинками. — Очень даже мило. Вон какие брошки красивые... ой!

Какие брошки?! Не было у неё на башмаках никаких брошек, отродясь не было! Только она сунулась потрогать их, как брошки вспыхнули ярким светом, одна — красным, другая — жёлтым, и взлетели. Светляры! Из её шара-ночника! Притворились брошками и удрали из дома!

— Ах вы, жукоглазые! — возмутилась Санья. — Это из-за вас я тут в сырости раскисаю?

Светляры полетели прочь, и она бросилась в погоню. Мимо гремящих труб, под желобами, по которым с шумом текла ледяная вода, Санья мчалась за двумя искрами — жёлтой и красной, а те вели её всё дальше в переплетение труб. Она прыгала, хлопала ушами, стучала лапкой, призывая свою удачу, но удача светляров, видно, была сильнее, потому что в последний миг им всё время удавалось ускользнуть.

— Попались! — завопила Санья и прыгнула, накрыв лапками утомившихся светляров, которые присели на пол. Но хитроумные жуки вывернулись и улетели прочь.

— Ну и летите, не очень-то хотелось, — фыркнула Санья. — Проголодаетесь — всё равно домой вернетесь, безмозглые. А куда это я попала?

Здесь начиналась огромная сеть водопроводов. Водопад падал откуда-то сверху, где светило солнце, его редкие лучи проникали в пещеру, во-

да сверкала алмазной и серебряной пылью и опускалась на Саню плотным туманом. Вода собиралась в двух больших котлах, затем текла по трубам и питала растения в оранжереях. Саня увидела, что светляры сели на котлы: красный на правый, а жёлтый — на левый, и заволновалась.

— Эй, вы что там делаете?! — замахала она лапами. — Хватит уже, я больше не буду за вами гоняться, обещаю. Ещё ломаем тут что-нибудь.

Светляры замигали ярко-ярко, как будто пытались ей что-то сказать, разом взмыли в воздух и покружились над котлами. Не успела Саня ахнуть, как они нырнули в воду!

Пушиноква схватила ковшик и заметалась между котлами: какого доставать, красного или жёлтого? Жёлтого или красного? Красный ближе, а жёлтый — её любимый цвет!

Пока она думала, жуки уже выбрались и вовсю трещали крыльями, сушась на краю котлов. Они потускнели, потеряли свой волшебный свет и теперь казались Сане обыкновенными жуками. Зато вода в котлах кипела и бурлила цветом: ярко-красная, почти алая, в правом, и жёлтая, ликующая и радостная, как солнце, — в левом. Она заиграла чистыми цветами и двинулась по трубам вниз. Тут завертелись лопатки колёс, зазвенели плясую колокольчики, застучали сотни лопат, мотыг

и тяпок, которые крепились к колёсам и готовили почву для посадок. А вода уже летела по тонким трубам и стремилась к растениям.

— Мамочки! — завопила Санья и бросилась в оранжерею — к салатам и капусте. Распахнула дверь и застыла на пороге. Как солнца горели жёлтые и оранжевые капусты, как пламя пылали кусты и розетки алых, багровых и фиолетовых салатов, а сверху брызгами летела разноцветная вода. Девочки растерянно метались по оранжерее, Марья Круглоухова забилась под лист радужного лопуха, а тётушка Серохвост хлопала глазами и бормотала:

— Нет, это невозможно, просто невозможно! А как же гармония? Как же порядок?

Санья смеялась, а над ней кружились и ярко горели два жука — красный и жёлтый.

— Ну погоди, Пушинкова, — пригрозила Марья Круглоухова. — Будет праздник Сева, ты ещё попляшешь!

Что за праздник Сева? Почему Санья должна плясать и чем грозитя Марья Круглоухова? Про это мы узнаем прямо сейчас, во второй истории.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ,

В КОТОРОЙ МЫ ВСТРЕЧАЕМ
ТИМА КОРЕШКОВА И ЗНАКОМИМСЯ
С ГИЛЬДИЕЙ ПОСЛЕДНЕГО
ОДУВАНЧИКА

— ТИМ... ТИМ, ПРОСЫПАЙСЯ. ВСТАВАЙ, СОНЯ.

Мягкая лапа коснулась его ушей и щекокатала дрожащие усы. Мама. Тим заворчал. Сладкая хлопчатка, плотная, сахарная, куснёшь — сок так и прилипает к языку. Он ведь до неё почти добрался... ещё немного... а тут будят!

Мама сдёрнула одеяло, Тим возмущённо задрывал лапами.

— Ма, ещё чуть-чуть!

— Ещё чуть-чуть, и ты опоздаешь, — предупредила мама. — А солнце ждать никто не будет. Хочешь пропустить праздник Сева?

Тим нехотя сел. Он самый несчастный крол во всём Холмограде. Да что там, во всём Междунорье нет крола несчастнее его.

— Мама, я же видел во сне хлопчатку!

— Милый, увидишь ещё раз, — рассмеялась мама. — Сколько у тебя ещё будет снов!

Тим только вздохнул, надел любимые сандалии — со светящимися пряжками из янтарь-камня, — ополоснул лапы в сосуде-умывальнике у изголовья кровати, закинул в рот сладкий хрум-корень и выпрыгнул на улицу. Над головой мерцала цепочка ночных светильников; уставшие за ночь светляры мерцали голубым светом в четверть силы. Тим подпрыгнул и стукнул лапой по ближайшему пузырю. Светляры возмущённо загудели, закружились и разом вспыхнули.

— Не халтурьте! А то обратно выпущу, вас на воле живо ухогорлы слопают, — пригрозил крол.

Светляры засияли ещё сильнее, но едва Тим убежал, угасли совсем. Тим грозился выпустить их с тех пор, как сумел в первый раз дотянуться до пузыря-светильника, а было это зим пять назад. За этот немалый срок даже такие неразумные твари, как светляры, вполне уяснили, что никто их на прокорм жадным летучим ухогорлам отдавать не будет.

Тим летел во всю прыть. Их тихий отнорок вывел на широкую улицу, глухая утоптанная земля сменилась плиткой, по которой Тим звонко зашлёпал сандалиями.

Далеко впереди спешили сонные юные кролы и кроли, опаздывающие на открытие.

Тим с лёгкой тревогой заметил, что задерживается гораздо сильнее, и поднажал. Ещё бы, праздник Сева — событие чрезвычайное. Раз в год бывает.

И в этом году они впервые в нём участвуют отдельной гильдией. Они — это Тим Корешков, Санья Пушинкова и Юм Хитропрыг.

Каждый год, как солнце поворачивает на зиму и его палящий жар начинает слабеть, кролы понимают, что наступило то самое время. Время выйти на поверхность, чтобы разведать места для новых полей свеклапса, плантаций хрум-корня и посадок сахарной мяты, собрать семена дикого цакобоя или настричь молодых побегов пряного шиша. Это важное ответственное мероприятие, как говорят им в школе, без которого безопасность всего Междунорья под угрозой. Но праздник Сева — всё-таки каждый год! А такие сны, как этот... Эх, что бы мама понимала! Ведь сегодня такая ночь, когда любые сны сбываются. Это все дети знают. И взрослые знали, да забыли. Говорят, если хлопчатку увидишь — верный знак, что найдёшь упавшую звезду. А если Тим найдёт упавшую звезду...

Юный крол на бегу зажмурился. Если он найдёт упавшую звезду, то она будет освещать не только их дом, а целую улицу. Весь Холмоград осветит! Вон

в Пещерово звезда на главной площади уже который год светит. Пещерцы для неё хрустальный дом выстроили, хороводы, говорят, водят по праздникам. Вырастет и обязательно поедет в Пещерово, чтобы посмотреть, как там всё устроено. Осветить весь Холмград — вот о чём мечтал Тим. Хороводы завести, пустить свет по всем отноркам, штольням да тоннелям. Убрать это старьё, которым освещается город, — зеркала и световые шахты. Им же стоим уже нахрустим! Вокзал нороходовый осветить, а то там не масляные фонари, а сплошное несуразие. То коптят, то гаснут. Да и маслом лучше салат приправлять, а не жечь почём зря...

Тим облизнулся и проглотил остатки хрум-корня. Дом, опять же, хрустальный на главной площади выстроить. А на нём, на доме этом, скромно так, внизу, отпечаток его лапы — он кролам подпись заменяет. И чтобы их городской голова, господин Снурри Твердозуб, торжественно объявлял...

Тут Тим во что-то врезался. Перед глазами словно вспыхнули и погасли светляры, вырвавшиеся из фонаря. Крол проморгался. Две пухлые лапы возмущённо лягали воздух. Остальное было погребено в горе тёплой стружки, которую уборщики приготовили, чтобы разбросать по улицам. Кролы любили чистоту даже больше, чем хрум-корень. По модным сандалиям — лакированным, с праж-

ками из цакового когтя — Тим сразу понял, с кем столкнулся.

— Юм! Конечно, кроме тебя мне под ноги никто попасть не мог! — Он схватился за лапы и вытянул друга.

— Ты где глаза потерял?! — возмутился Юм.

— Это не я, это твоя доля вечно тебя подводит. С тобой же всегда что-нибудь происходит.

— Сегодня со мной произошёл ты, — пробурчал Юм.

Звучный удар гонга поплыл под сводами широкого тоннеля. Звонили на главной площади, и кролам не надо было объяснять, что это значит. Они страшно опаздывали, вот что. Пихаясь локтями, приятели рванули вверх по тоннелю.

— Не толкайся! — продолжал ругаться Юм.

— Под ноги смотри, цак беспёрый!

Они пронеслись по сумрачным улицам, мимо плотно закрытых нор, мимо затворённых лавок, где лишь тускло мерцали светляры в отнорках крыльца у входа, едва не сбили с ног задумчивого крола-уборщика, который сеял опилки и что-то напевал себе в усы, и вылетели на площадь.

— Успели! — выдохнул Тим.

Вся площадь была заполнена юными кролами: тут были и парни с Зелёной улицы, и ребята из Оранжевой, и гильдия Привокзальных с их нахальным

вожаком Тикки Белолопом. Вся кроловая молодёжь, вошедшая в «посевной возраст». Все, у кого был зоркий глаз, быстрые лапы и верная доля, собрались здесь. Их компания с улицы Последнего Одуванчика была самой маленькой, но дружной. Тим Корешков, Санья Пушкинкова, Юм Хитропрыг — вот и вся гильдия. Правда, насчёт верной доли Юма Тим крепко сомневался, но тут уж ничего не поделаешь — от друзей не отказываются, даже если им не везёт.

В самом центре площади возвышалась Вертушка. Огромная спиральная труба начиналась внизу и поднималась почти до самого высокого свода, где от неё по кругу отходили тонкие трубы. Тим знал, что каждая такая труба выводит к отдельному, тщательно замаскированному выходу на поверхность. В основании Вертушки виднелись чёрные провалы. Туда помещали сухобоб с командой сеятелей, огромная пружина под Вертушкой отщёлкивалась, бац... и отважные кролы вылетали в большой и страшный Верхний мир.

Совсем скоро им тоже придётся сесть в сухобоб и отправиться в полёт.

— Где вас носило! — Тима сильно дёрнули за лапу и подтащили к стене. — Хрумкинс вот-вот начнёт!

Санья сверкала зелёными глазами и распекала их злым шёпотом.

— Прости, Сань, это всё Юм. Просто под лапы мне бросился, представляешь!

— Да это же ты! — возмутился Юм, но Тим зажал ему лапой рот.

— Тихо, начинается!

На помост возле Вертушки забрался седой крол. Его длинные седые усы ниспадали на грудь, шерсть потускнела, а глаза слезились. В дрожащей лапе он держал лист с торжественной речью, которую ему заботливо написала внучка Дарья.

Мастер Хрумкинс, бесшумный распорядитель праздника Сева уже неведомо сколько зим, откашлялся, одёрнул сюртук старинного покроя, обвёл волнующееся море кроловых голов и громко цыкнул жёлтым зубом. Шёпот и смешки тут же притихли.

— То-то, — проворчал Хрумкинс. Он поднёс к носу листок с речью и близолопо сощурился: — Друзья! Верные... э... сыны и дочери Холмограда. В этот торжественный день, когда взоры всего прог... прыгрессивного... тьфу ты, вот понаписала, егоза.

Хрумкинс махнул лапой и убрал листок.

— Я по-простому скажу, деточки! Сегодня праздник Сева. И всё, что мы сегодня натопаем, то потом и будем лопать. Так что скачите во всю прыть, милые, да смотрите, чтобы вас цаки не зацапали! Верно я говорю?

Кролы восторженно забарабанили лапами, и шум разлетелся во все стороны, раскатился по выглаженным стенам, ударился под своды жёлтого песчаника, поплыл, как прибой далёкого моря.

— Само собой, кто разведает больше всего полей или принесёт больше всего новых семян, будет чемпионом этого года. Это как всегда, милые мои, слово старого Хрумкинса.

— Итак! — Мастер поднял лапу, и два помощника, пошатываясь, вытащили большие хрустальные времяловы со светящимся голубым песком. Последние песчинки затекали в их устье. Вся площадь заворожённо уставилась на них.

— Три, два, один... — прошептал Юм.

Далеко наверху над сводами кролового города, там, в Верхнем мире, солнце выкатилось из-за чёрных гор, его первый луч ударил в зеркало, скрытое в узкой шахте на вершине холма, отразился, попал во второе зеркало и полетел вниз, в тёплую темноту Холмограда.

На самом верху Вертушки вспыхнула друза светлого хрусталя.

— Сев начинается! — рявкнул мастер Хрумкинс неожиданно звучным басом, и кролы наперегонки бросились к Вертушке занимать места.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ,

ОЧЕНЬ КОРОТКАЯ,
НО КРАЙНЕ ДРАМАТИЧНАЯ

- А-А-А!
- Голову пригни, Юм!
- А-А-А-А!
- Санья, не ори мне в ухо!
- А-А-А-А-А-А!
- Да замолчите вы оба!

Они неслись в крошечной темноте, гремя на стыках. Было шумно, страшно и пыльно, а потом впереди возникло и быстро приблизилось световое пятно. Друзей затрясло ещё сильнее, свет резанул глаза, и они вылетели на поверхность. Сухобоб выскочил из замаскированного устья стартовой шахты, пролетел по воздуху, разломился пополам и зарылся в какие-то на редкость колючие заросли.

Наступила тишина. Только какая-то пичужка пиликала вдали. В голове звенело, а сверху качалось что-то огромное, синее и пустое.

Небо, подумал Тим, это же небо. Не ясное, но всё-таки высокое. По небу тихо ползли серые с зелёным отливом облака.

Тим вылез из остатков сухобоба и выплюнул землю, паутину и прочий мусор — похоже, в трубах Вертушки не прибирались с прошлого праздника Сева. А он как командир гильдии Последнего одуванчика сидел первым. И, получается, собрал весь сор.

«Меня что, Юм своей невезучей долей заразил?» — подумал Тим.

Он откинул обломки сухобоба и вытащил Санью.

— О, Тимчик, — слабо сказала Санья. — Мы уже наверху?

Тим хотел ответить, но огляделся и упал в кусты вместе с ней в обнимку.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЁРТАЯ,

В КОТОРОЙ ТИМ И САНЬЯ
СПАСАЮТСЯ ОТ ЦАКОВ, А ЮМА
СНИМАЮТ С ДЕРЕВА

ОТВАЖНЫЙ КОМАНДИР ГИЛЬДИИ ПОСЛЕДНЕГО ОДУВАНЧИКА ТИМ КОРЕШКОВ ЛЕЖАЛ В КУСТАХ. Он лежал не просто так, а со смыслом — одной лапой прижимал голову Саньи, а второй пригибал к ним ближайшую ветку с пыльной зеленью. Над ними злобно щёлкал клювом цак — да такой здоровенный! На картинках они выглядели намного меньше. Конечно, была у них в школе механическая модель цака, но предыдущие поколения кролов её давно поломали, и теперь она могла только качаться вперёд-назад и разевать клюв.

А этот цак был живой, злой и очень активный. Один клюв у него был больше среднего крола (без учёта ушей)! Цак топал огромными ножищами,

рыл землю тупыми когтищами и был крайне раздражён. Маленькие глазки горели огнём, розовый язык трепетал во рту, он втягивал воздух, но никак не мог разобрать — куда же подевались три крола, которые были у него под носом?

Кусты шатались, цак топал и клекотал от ярости. Ещё немного, и он их найдёт! А не найдёт, так раздавит, махина близолапая!

Тим не колебался. Пришло время использовать его командирскую счастливую долю. Он вытянул правую лапку и хлопнул о землю. Шёрстка у него заискрилась всеми цветами радуги, в воздухе раздался лёгкий треск, и цак, который угрюмо рыл землю, вдруг подпрыгнул, заорал от боли и бросился наутёк. Следом со злым звоном помчались подземные осы, гнездо которых он только что разорил неуклюжей лапищей.

Тим вывалился из кустов и упал на сухую траву. Отдышался и подскочил. Он командир гильдии Последнего одуванчика, а валяется как снулый снуль. Непорядок!

— А помочь товарищу? — поинтересовались в кустах.

Тим вытащил Санью.

— Думала, сожрёт нас. — Санья смотрела в небо радостными до изумления зелёными глазами. — Слопает и хвостов не оставит.

— Цаки кролов не едят, — хмуро сказал Тим, глядя на исчезающее вдалеке облако пыли. Подземные осы кусают быстро, больно, все сразу и до победного конца. А ещё они возвращаются к своему гнезду. И когда осы вернутся, они будут очень, очень злы.

— Вовремя ты нас спас. — Санья отряхивала белоснежную шёрстку, но получалось плохо. Пыль верхнего мира прилипала к волоскам, и Санья была уже не белой, а кремовой. — Моей доли на ос не хватило бы, — сказала она. — Ты везучий. Поэтому и командир.

— Я командир, потому что обо всём думаю, — важно сказал Тим. — А вам с Юмом только скакать да песни петь.

Санья уткнула лапы в бока:

— И кто выбрал этот сухобоб? Он же развалился!

— Он был красивый. И ещё он был ближе всего. Мы на два боба опередили Тикки и его вокзальников.

— Да уж, опередили. — В голосе Саньи не было радости. — А сколько времени потеряли из-за этого цака?

— Нагоним, — отмахнулся Тим. Он напряжённо оглядывал рощу. — Куда подевался Юм?

Каждый год подземные жители — кролы — выбирались на поверхность в середине осени. Невы-

носимая летняя жара, которая сжигала всю растительность, спадала, небо затягивалось тучами, и начинался праздник Сева. Сотни юных кролов, сидя в специальных сухобобах — выдолбленных плодах гигантской фасоли, — вылетали из своих уютных подземных городов, чтобы отыскать новые участки плодородной земли и разбить плантации разнообразных вкусов. Именно урожай с этих плантаций позволял пережить им долгое засушливое лето. И вот они, гильдия Последнего одуванчика, в полном составе: Тим Корешков, Санья Пушкинкова и Юм Хитропрыг, тоже выбрались на поверхность, чтобы найти подходящий уголок для посадок. У каждого из них за спиной была сумка с семенами, её каждый крол-сеятель берёт себе всего — ведь в сумках были семена для нового урожая.

Но главное — не семена, главное — удача! У каждого крола была своя доля, которая оберегала от бед и опасностей: и от когтей неповоротливых цаков, и от зубов ловких и опасных кротокотов. Ну, или почти всех... Вот Юма долей явно при рождении обделили.

Тим начинал волноваться.

— Юм?! Ты где?!

— Здесь... — долетел слабый голос. — Здесь я. Санья и Тим завертели головами:

— Где?

— Наверху!

— Как ты там оказался? — охнул Тим. Юм угодил в цепкие ветки дубохвата — толстеного раскидистого дерева, усаженного грозными, размером с половину крола, шипами.

— Когда цак выскочил, я каким-то образом попал сюда. — Юм грустно болтал лапками. — Снимите меня, а?

— Что это за дерево такое? — Санья обошла его кругом. — Нам в школе про него не рассказывали.

— Дубохват колючий, малоценная порода, — прищурился Тим. — У него вкусные жёлуди, но пока урожая дождётся, со старости помрёшь. Потому и не рассказывали, что толку от него ноль.

— А ты откуда знаешь?

— Я ходил в кружок Юного сеятеля! — гордо сказал Тим. — Под лаповодством Хрумкинса, между прочим, ты что, забыла?

— Да-да, вы там углублённо изучали поверхность, — рассеянно сказала Санья. — Как нам достать Юма?

— А никак, теперь ему до сезона дождей висеть, — мрачно сказал Тим. — Когда шипы опадут.

— Я не хочу до дождей! — возмутился Юм. — Я промокну! Мы же гильдия, мы же друзья! Снимите, а?

— Ладно, — Тим махнул лапой. — Не дёргайся, друг, мы сейчас.

Ветки у дубохвата были колючие, а главное — хваткие: коли попадётся, половину шерсти оставишь на шипах, но Тим знал способ.

Он ловко подобрался к корням дубохвата, избегая грозных шипов, и отвинтил колпачок фляжки. Сухая кора дерева растрескалась, каждая глубокая трещина была похожа на жадно раскрытый рот. Лето далось дубохвату нелегко, он, как и всё живое, ждал зимы с её живительными дождями и мягким ласковым солнцем.

— Сань, лей на кору с другой стороны, — распорядился Тим. — Юм, до фляги дотянуться сможешь?

— Кха... смогу, — просипел бедолага.

— Тогда открывай и лей на ветки. По моему сигналу. Раз, два, три!..

Тим опрокинул флягу и с грустью наблюдал, как исчезает вода. Сладкая, ключевая, из самых глубоких подземных источников, она просачивалась сквозь кору дубохвата мгновенно: раз — и нет фляги, а ведь её хватило бы на целый день. Но это был единственный способ обмануть дубохвата и заставить поверить, что пришла зима и начался дождь. Во время сезона дождей грозные деревья сбрасывали шипы и распускали цветы: влаги и жизни хвата-